

Александр Дьяков
Седрак Симонян

**Видения
лунной
поляны**

Седрак Симонян
Видения лунной поляны

<https://litres.ru/74098521>

SelfPub; 2026

Аннотация

В приюте наших душ, тоской да любовью, мы присутствуем в жизни живущих.

Седрак Симонян

Видения лунной поляны

ВИДЕНИЯ ЛУННОЙ ПОЛЯНЫ

-1-

В вечерних сумерках, силуэты ветряных мельниц. Гул прибоя, гул похода и дальних битв. Крик, отчаяние, победные возгласы. Зов трубы и замирание...

Угасающее солнышко в тумане. Тянувший повозку оруженосец. На повозке

рыцарь печального образа. Оруженосец, уставший и измотанный, швыряя вожжи, валится на землю. Голос рыцаря:

-Вперёд, мой Санчо, доблестный мой спутник. Вырвем мы тайну с пелены времён. Сути истины крайней достигнем. Коль наше страдание безмерно глубока, столь же ущербно наше познание. Глянь, Санчо, вдали демоны в пути. Бросаю вызов чудищам этим. Эй вы, слуги всех тёмных начал, к барьеру...

Обнажая меч, выпрыгнув из повозки, рыцарь ринулся к ветряным мельницам. Нанося удары мнимым демонам, криком отчаяния:

— Увы, отдалён, обессилен я. Вы, вечно угасающие времена, что в своих вихрях стираете память? О людском бытии, о тихой гавани, куда стремлюсь и я. В безумии в нашем, жизнь — мгновенье. Прошлое гаснет на ваших задворках.

Гибнущий разум - подобие плевка Божьего промысла, жестокая плата за Образ, Подобие.

Оруженосец, вторивший рыцарю:

— Не проникая в сути возгласов твоих, воспринимаю боль, и страдание твоё. Опечален я. Дерзание наше не к истине, а смирению. И радость наша — бродить наугад сред мелочи жизни.

Рыцарь:

— Если истина лишь в рождении, телом, тленным в лоне души, то из праха в прах. Сомненье наше, источник боли... Немоощью своей, обреченностью, Душа и Тело — ЛИШЬ НАБЛЮДАТЕЛИ... Тяжестью сомнений мнимых ли, праведных, на пути небытию, мимолётные мы тени в сновидениях небес. И данность бытия, терзает сознание. Что есть Истина? Вечная тоска по всех иных мирах? Имитируя жизнь в безднах мироздания, играя свою роль в земных подмостках, мы зрячие слепцы, отпрыски разума. Ныряя в вечность образами души, покоя нам не сниться.

Санчо:

— Всё суета, в круговерти вечной. Дарёная нам жизнь, увы, отобрано. Печаль и тоска, истинно наше. В них и смысл, и значение. Сколь ни распинать значимое нами, увы, и радость, счастье земное — болезнь воображения.

Рыцарь:

- Жизнь по разумению: телесному — брэнность, а душе - тоска. Грустно всё это. Цепляясь к познанию, просвету в без-

дне, тонем в незнании. Не имея опыта всех одиноких душ, мы блуждали на подступах озарения. Нет оправдания истине этой. Мириады светлячков, порхающих в тьме. Образ Печальный. Одинок и я образом исполина. а душой юнца, у дальних потомков. К вечному покою я готов, пора...

Санчо :

— Угомонись, рыцарь. От чего это суть всего сущего — наше страдание? Глянь, повсюду блещет истина, с разумом, и без. Опавшие листья в вихрях вьюги, разве не кличут свою истину? А о чём курлычут стаи журавлей? А крик пылинки в бездне пустыни? Истина в явном: пылинке — своё, а душе — своя.

Рыцарь:

— Окунувшись в сонм жизни, бродя в просторах времён мимолетных, то возвысившись, то падая в грех, в уделах чувств земных, мы только и можем, что просыпаться лишь в смерти.

Санчо:

— С унынием своим, в каких пространствах блуждаете вы? Разум ли помеха или предназначение? В образах времён, и любовь тоска. Глянь, на поляне под лунным светом разве не страсти видим Божьих душ? И тени здесь мрачны, и свет небес ясен. Но иные там души, иные и страсти, и танец странный потомков ли Скифов, Сарматов иль Руссов? И что истинно в смерти этих светил.

— Истинно лишь то, что они войны, как и мы с тобой..

Они тоскуют не о вечности, о жизнях своих, юных, не прожитой. отданных в сражениях с полчищами зла. Они тоскуют не по сути мироздания, а утерянных близких, о любимых, родных. Небесные ласточки, души ангельские, надобно ли вникать печали их безбрежной?

-2 -

Покрытые туманами, леса. Лунная дорожка в берёзовой роще, идущей к дальней поляне. За поляной — подступы к пещере. Бросающий искры в мрачную темень огонёк костра. Сидящий у костра, в звериных шкурах древний человек. Напряжённо прислушивается к рычанию, визгу зверей из дальних времён. из глубин пещер, доносящийся плач дитяти.

- В борьбе за выживание сохранилось племя. Далёк я от вас. Но я ваша тень. Растеряны вы, в лоне природы, к естеству своей воротитесь скорей.

-3-

Яркий солнечный день. Лето. Зной. В низовьях поляны, ветхий домик, утопающий в зарослях. Пенье птиц, девичьи голоса. Смех радостный, и раскованный. В мгновение око, глас природы превращается в вой пикирующих бомбардировщиков, крики отчаяния, мольба к небесам. В подлунной поляне от ветерка, волнообразно качающиеся полевые цветы. Угасает солнышко, обращаясь в мертвенный диск. Из тьмы, на поляну скользит девичьи хоровод в снежно-белых, языческих одеяниях, в пляске бесстрастной, безгласной...

Постепенно, учащённый ритм танца. В иных обликах, пляшет хоровод. В солдатских одеждах, Великой войны. Немая пляска, немые страсти...

На лётном полигоне лица девушек, впервые сидящих за штурвалом. Полёты их, под облаками, под звёздным небосводом. Пробивает час, в лунной поляне, силуэты девичьи, отрываясь от тени небытия, скользят к костру на поляне. Умещаясь рядом с подругами, снимают шлемы, тянуться к огоньку руками, мыслями, чувствами своими. Слова печали, слова признания.

- Сколь неистово греем мы души, не согреемся. Мы в образе наших душ, и костёр лишь образ. Печально всё это, и вечность печальна. Грезим о жизни, а в рассвет, таем до часа, когда вслед своим подругам, вспорхнёт вновь шедшая душа. Изумлённо любуясь полевыми цветами, разбросав руки подобие крыльев, погладив ладонями макушки цветов, присядет к костру, обнимая подруг. Ныне и ей, навечно тосковать, по земным страстям...

- Увы, Анюта, и твоя судьба... Детство твоё, и юность.

Первый курс института, лётный полигон, и первый полёт. Полёт последний...

- Да, всему своё. Жизнь ныне живущих — для нас, табу.

- Вспоминаешь ли, вдвоём полетели. Вражеские объекты, разбомбив в предгорьях. При возвращении, сбили ваш самолёт.

- Весь полк горевал. Подруги наши. А меня сбили в зем-

лях польских.

- Вот жили мы, прожили своё.

А ныне у нас, мерцающие тени земных страстей. эхо улетучившихся грёз, наши мечтания.

- В Божьих покоях, Божьим образом. В приюте наших душ, тоской да любовью, мы присутствуем в жизни живущих.

Костёр горит, искрится. Барышни, в раздумье, созерцая тишину, и глядя на искры. В офицерском наряде, грудь в орденах, из тьмы выходит седой мужчина. Подходит к холмику, вся в полевых цветах:

- В этой поляне, пуля вражья, настигла меня. Здесь погибла медсестра Настя, перевязывая мои раны. - Оборачиваясь к мраку, - Настя, уже пора, явись, из царств теней. До отступления, похоронили наспех, но и забыли.

Настя подходит:

- Не забыли, Алёша. Погибли все те, кто мог вспоминать...

- Не властна над нами, забвенье, тоска. А память о нас, не тягость к живущим. Забытые наши тени, спасение юных душ. К их терзаниям, подвигам грядущим. К счастью племени, приносились жертвы.

- Пойдём, Алёша, к лёгчицам нашим, присядем с ними, греясь у костра.

Девушки встают, приветствуя командира и медсестру:

- Садитесь рядом, друзья судьбы, друзья печали... Но раз-

ве безвестны могилы наши, в безвестных краях? Влюблённые нынче, бродят в полянах. Пройдя по холмикам, по нашим телам, по нашим глазам, собирают букеты, из полевых цветов, отражающие и нашу любовь, и нашу печаль. Помните белую церковь, журавли в небе. И танцы наши в свадебном наряде? Всем близким да дальним, в сновидениях, являемся мы, в той стремительной пляске. Ужасаясь, милуясь, и стараясь нас удержать, они просыпались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.